

ВНИМАНИЕ: МУЗЫКА!

Дмитрий Борисович Кабалевский... Вероятно, не найдется в нашей стране человека, который бы не знал этого имени. Его популярность огромна. Много лет занимаясь пропагандой музыки, выступая по радио, телевидению, в прессе, Дмитрий Борисович стал в нашей стране главным учителем музыки и для детей, и для взрослых. Он учит своими музыкальными произведениями, книгами. Выходит на сцену — и он великолепный музыкант-рассказчик, входит в школьный класс — он прекрасный преподаватель музыки. Опытнейший педагог, чье мастерство можно назвать поистине волшебным, Дмитрий Борисович в каждой беседе, в каждом сугубо личном письме учит понимать и любить музыку.

Более десяти лет я переписываюсь с Дмитрием Борисовичем. Когда я получаю очередное письмо композитора, всегда вслед за радостью приходит и чувство обиды — оттого, что я не могу выразить своего восторга: неловко как-то. А мне своей радостью очень хочется поделиться. Ведь в этих письмах так много возвышенного, человеческого, любви к жизни.

Считается привычным пригласить друзей на чашку чая, на воскресный ужин и даже на бокал искристого вина. А мне хочется пригласить друзей музыки... на письма Дмитрия Борисовича Кабалевского. С позволения автора я и предлагаю это письмо читателям «Черноморской здравницы».

В. МАЛОВ,
художественный руководитель Краснодарской краевой филармонии.

Москва, 28 июня 1976 года

Дорогой Виктор Абрамович, очень давно собираюсь Вам написать, но Вы знаете, как сложна моя жизнь и как невероятно приходится мне изворачиваться, чтобы справиться хоть с самым главным. Несмотря на это, я почувствовал острую потребность написать 2—3 статьи на темы, как будто и обособленные, но, по существу, теснейшим образом друг с другом связанные. Дойдут ли когда-нибудь до этого руки, не знаю. Но пока что хочу изложить Вам кое-какие мысли и посоветоваться с Вами. Почему именно с Вами? Не только в силу давней дружбы и схожести многих мыслей, несмотря на принадлежность к разным поколениям, но прежде всего потому, что темы, которые хочу кратко изложить Вам, касаются духовной культуры, духовных интересов и запросов нашей молодежи. И, хоть я и не теряю своих связей с молодежью, у Вас сейчас эти связи, вероятно, крепче и побогаче. Вы ведь живете главным образом интересами вузовской молодежи (во всяком случае жили ими до последнего времени), а я в последние годы обращаюсь больше в кругу молодых учителей и школьников. Конечно, было бы лучше, если бы это

письмо можно было заменить живым разговором, но надежд на скорую встречу как будто нет (скоро я уезжаю в ФРГ и Швейцарию на международный семинар и конференцию ИСМЕ, а потом в санаторий в Друскининкай), вот и попытаюсь изъясниться письменно. Начну с первой темы, а там видно будет. Я слышном устал и коротко, вероятно, написать не смогу.

...Вы входите в комнату некоего научного института. За столами сидят преимущественно молодые специалисты. Сквозь клубы табачного дыма видны напряженные лица, выражающие стремление решить какие-то сложные проблемы. Включено радио. Идет программа «Маяка». Звучит острая «Балетная сюита» Шостаковича. Но ей не суждено дозвучать до конца — микшер уводит ее в небытие традиционных позывных, голос диктора рассказывает о спортивных новостях. Новости сменялись лирическими эстрадными песнями. Коллектив продолжает трудиться...

...Вы уезжаете на курорт, мечтая отоспаться и подлечиться, а главное, хоть немного побыть в тишине. Счастливый уже от одного предвкушения всех этих земных

благ, столь недоступных в Москве, Вы входите в вагон экспресса. Нет, еще не входите, только открываете дверь из тамбура в коридор. На Вас обрушиваются мощные звуки. Настолько мощные, что Вы даже не в состоянии понять, что это звучит — вершины великой классики или низины пошлой халтуры. Войдя в ослепительно чистое купе, Вы первым делом выключаете радио. Но тишина не состоялась: точно такие же, орущие репродукторы вмонтированы во всех купе и в коридоре. Мечтам о покое и тишине нанесен первый удар...

...Вы наконец на курорте. В Кисловодске. Выполняя предписание врача и, одновременно, подчиняясь собственному желанию, Вы решаете каждое утро до завтрака подниматься на «Красное солнышко». Это наверняка поможет Вам привести в порядок нервную систему, изрядно потрепанную неправдоподобными рабочими перегрузками. Но Вы не успеваете дойти до первого поворота терренкура — спереди на Вас наступают, создавая Вас догоняют смешивающиеся в какой-то неразборчивый хаос звуко-шумовые волны. Полураздетые курортники обоего пола пронесаются мимо Вас, обдавая запахом пота и музыкой. У одних в руках, у многих на животах (!) болтаются транзисторные приемники. Что звучит — неважно! Лишь бы звучало!...

...Двое встретились в парке. Он и Она. Славная девушка и симпатичный парень. Явно лирическое свидание. Садятся на скамейку в сторонке от главной аллеи — вероятно, чтобы было потише. Впрочем, для того ли? На скамейке появляется третий. Откуда он взялся? Слово из-под земли. Все тот же всезвездный и всемогущий транзистор. Сейчас бы влюбленным поговорить о чем-нибудь. О каких-нибудь пустяках, когда за каждым словом таится целый мир чувств и мыслей. Или помол-

чать — молчание иногда дороже и содержательнее слов. Вслушаться бы в тишину шепчущих деревьев (здесь, наконец, действительно, почему-то тихо), в самих себя, в свои сердца... Не тут-то было. Транзистор включен и вещает. Вещает без умолку и разбора. Не удалось найти любимых певцов — ничего, на худой конец сойдет и кто-нибудь. Не нашли никакой музыки — тоже ничего, сойдет репортаж со стадиона. Влюбленные сидят молча. За них говорит транзистор. Боюсь, что и думать он за них начинает. У него нет другого выхода: двое на скамейке молчат, а думать он им не дает...

...Сидя в кинозале, обращали Вы внимание на то, что почти все сюжеты кинохроники, почти все документальные фильмы идут под музыку? Почему столько страниц разных «Новостей», последних и не последних «Известий» нам дают с «подложной» под них музыкой? Почему, когда в кинотеатре или по телевидению идет фильм, показывающий какую-нибудь художественную выставку, нам, как правило, предлагается одновременно (!) не только смотреть картины или скульптуры и вслушиваться в голос искусствоведа-комментатора, но и слушать какую-то музыку? Как трудно организовать такое сочетание и как редко удается достигнуть при этом полного слияния художественности с ясностью, даже если комментарий содержателен и литературно безупречен, а музыка прекрасна!...

...Смотрел я как-то передачу из очень любимого мною телевизионного цикла «Клуб кинопутешествий». Шел интересный «африканский» сюжет. В кадре возникла народная сцена с игрой на народных инструментах и с танцами. Казалось, должно бы произойти на экране «событие». Но «события» не произошло. Не произошло оттого, что музыка звучала в фильме с самого на-

чала. Звучала и до «сцены с музыкой» и после нее...

...Очень огорчила меня как-то передача из цикла «Очевидное — невероятное». Я очень люблю передачи этого цикла, не только извлекаю из них пользу, обогащаюсь новыми знаниями, но и восхищаюсь культурой ведения беседы, особенно умением разговаривать с собеседником («говорить» ведь легче, чем «разговаривать»). Мудрость и свобода, ясность и высокий вкус, с какими ведет свой цикл С. П. Капица, меня восхищают. Но вот в одну из передач был вмонтирован фильм, в котором другой ученый (фамилию его я не разобрал) вел беседу о кристаллах. Фильм, насколько я могу судить, сделан хорошо. Во всяком случае смотрелся бы он интересно, если бы не одно «но»... В нем почти непрерывно звучал более чем посредственный эстрадный дуэт, певший плохую музыку на плохие («научного» содержания) стихи. Сперва дуэт звучал за кадром, потом певица и певец появились в кадре (это в научном фильме!), демонстрируя свои эстрадные туалеты и эстрадные позы. Откуда такая безвкусица? Неужели это поведение в слушателей-зрителей: им, мол, скучно будет. Давай-те развлечем их, авось вместе с привычной жвачкой проглотят и серьезные разговоры. А фильм-то сделан понятно, популярно в лучшем смысле этого слова. Я даже обиделся и за себя и за всех телезрителей: не такие уж мы глупенькие и малокультурные, что без веселенькой улаковки не можем воспринять мало-мальски серьезную мысль...

Ну, хватит. Примеров Вы и сами наберете сколько угодно. Но почему все это так получается? Почему про кристаллы нам рассказывают под дешевенький эстрадный дуэт? Почему молодые ученые трудятся под непрерывно звучащую музыку? Почему под непрерывно включенное радио

готовится к экзаменам студент? Почему в пионерлагерях могучие репродукторы обрушивают на головы ребят музыку чуть не с утра до вечера? Почему строительству новой птицефермы нам показывают под фортепианный концерт Чайковского, а работу металлургического завода — под симфонию Шостаковича и т. д. и т. п.?

Иногда это пытаются объяснить «художественными замыслами», иногда стремлением операторов и режиссеров компенсировать звучанием музыки скуку своих кадров, полагая, что музыка может придать этим кадрам хоть некоторое подобие эмоциональности.

Ну ладно, это в фильмах (кстати, не кажется ли Вам, что лучший по музыке фильм последних лет был фильм Константина Симонова «Живые и мертвые» — насколько я помню, в нем нет ни одного такта музыки!). А как объяснить неперестанное повсеместное звучание музыки в обычной, повседневной жизни? Ведь известно, что музыка — сильный нервный возбудитель, что в чрезмерных дозах и, особенно, если это шумно-электрифицированная музыка, так нынче распространенная, она губительно отражается на нервной системе людей, особенно детей, что занимающийся под музыку студент и работающий под музыку инженер глубоко заблуждаются, думая, что музыка оказывает им здесь помощь, в то время как она очень снижает их работоспособность и постепенно (хотя и незаметно для них самих) сокращает срок жизни их нервной системы...

Не правда ли, все это очень похоже на курение, алкоголизм и еще хуже — на наркоманию (впрочем, и курение и алкоголизм ведь тоже наркомания)? Люди, привыкшие курить, пить, принимать наркотики, не могут без них обходиться, им кажется, что без них они хуже работают (недавно прочитал, что автор первой рок-оперы «Томми», американский композитор Питер Таунсенд уже несколько лет принимает наркотики и считает, что они «способствуют активизации его творческой деятельности»).

И не кажется ли Вам, что музыка для многих людей (это явление давно уже воз-

никло на Западе, и у нас носит скорей импортный характер), перестав быть (или даже не став) искусством, превратилась в своеобразный наркотик, в некую звучащую среду, возбуждающую, щекоющую нервы, будто бы (!) поднимающую жизнедеятельность, утоляющую какую-то внутреннюю (во всяком случае, не эстетическую) потребность. «Что угодно, лишь бы рядом что-нибудь звучало!»... Надо ли говорить, какая при этом происходит девальвация музыки как искусства!...

Не знаю, согласитесь ли Вы со мной, дорогой мой друг, но я не могу назвать все это иначе как «фононаркотикой». Все признаки наркомании налицо: вред себе, вред окружающим, а отвыкнуть трудно и даже не хочется — вроде бы удовольствие...

Вероятно, смешно со стороны выглядишь музыкант, отдавший музыке всю свою жизнь, поднимает голос против музыки! Не против, а за музыку хочу я поднять свой голос. За дивную красоту музыки (а заодно и за дивную красоту природы), за неизмеримые, тающиеся в ней богатства, за огромную радость, которую она способна принести людям, если «по-человечески» с ней обращаться! Нельзя превращать великое искусство в безразличный шум, точно так же, как нельзя стирать грань между подлинным искусством живописи и стандартными обоями, которыми оклеены наши комнаты и рабочие кабинеты!

Ну, дорогой Виктор Абрамович, простите, что замучил Вас таким длинным письмом. Впрочем, вместо письма получилось что-то вроде конспекта статьи. Тем более мне очень интересно будет узнать Ваше мнение, Ваши замечания. Ваши последние письма заставляют меня думать, что Вы поймете меня и разделите мои тревоги. С ответом, конечно, не спешите. Неизвестно, когда смогу сесть за статью. Весьма вероятно, что этого никогда не случится.

Крепко Вас обнимаю.

ВАШ

Д. Кабалевский

4 - ДЕК 1976

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЗДРАВНИЦА
г. СОЧИ